ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС СОЦИОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА

[Петрова А.А.](#)

Петрова Александра Анатольевна— аспирант сектора социологии знания Института социологии РАН.

Адрес: 117218 Москва, ул.

Кржижановского, д. 24/35, строение 5.

Телефон:

(095) 120–82–57.

Электронная почта:

mss

001001@

msses

.

ru

Социология интернета, как любое новое направление социального знания, формируется в "разграничении полномочий" между уже сложившимися научными дисциплинами. Изучение виртуальных коммуникаций связано с вполне традиционной тематической областью: организация знания, конструирование идентичностей, формирование социальных групп и т. д. Но в данном случае вся эта проблематика исследуется с учетом социальных последствий, которые может иметь использование современных информационных технологий. Научная дисциплина как система дискурсивной деятельности включает интернальный и экстернальные аспекты. Первый подразумевает выявление внутродисциплинарных источников нового направления, второй — внеакадемических дискурсов (дискурса контркультуры как неакадемической критики общества модерна, политических дискурсов и т. п.), которые могут препятствовать становлению доминирующего образца исследования и переходу дисциплины в "нормальную" фазу (по Т. Куну).

Социология научного знания практически безоговорочно признает дискурсивный характер научной деятельности [1– 3], и большинство представителей этого направления заняты доказательством искусственности научных "продуктов", аргументативной природы результатов исследований, сконструированности объекта науки в целом [4, 5], что представляется странным и с методологической, и с теоретической точек зрения. Во-первых, в исходной посылке о принципиальной возможности рассматривать науку как дискурс они усматривают связь научных репрезентаций с активностью субъекта исследования — научного сотрудника. Во-вторых, в качестве социального истока науки определяется индивидуалистическая категория *интереса*, которая предполагает определенную идеологию — представление о расчетливом, сознательном индивиде, способном стратегически мыслить и действовать. Этот образ в политике соответствует либерализму, в науке — принципу методологического индивидуализма, который в полной мере принимается лишь в экономике. Противопоставить методологическому индивидуализму можно объяснение социального социальным, в центре внимания которого оказываются отношения между сложившимися структурами и их продуктами (институтами и текстами), с одной стороны, и инновационными практиками — с другой. Возникновение научной дисциплины, как любой другой инновации, отчасти определяется устоявшимися в науке и обществе иерархиями и принципами. Новое направление подчиняется как логике становления изучаемого предмета, так и логике научного дискурса, что приводит к борьбе за самоопределение — формированию особого языка.

В многочисленных определениях дискурса выделяются общие черты: (1) семиотическая (или более узко — языковая) природа, (2) организованность (свойственная любой знаковой системе), (3) привязанность к действию или практике / праксису. В замечании Л. Витгенштейна о том, что "критерии истинности *описания* некоего процесса не являются критериями истинности

признания

... и важность правдивого признания не сводится к достоверности сообщения о некоем процессе" [6, с. 310], подчеркивается необходимость исследовать не только семантику языка, но и прагматику — аспект связи языкового знака и действия. В англосаксонской поствитгенштейновской философии языка и действия разрабатывалась модель речевого акта как языкового проявления действия [7; 8]. В континентальной традиции анализа дискурса, сформировавшейся под сильным влиянием структуралистского марксизма Л. Альтюссера и философии М. Фуко, проблематизируется бессубъектность истории и отношения господства и подчинения, а в качестве предмета исследования выдвигаются "дискурсивные практики" и "эпистемические структуры", конституирующие "дискурсивные формации".

Один из основателей дискурс-анализа Мишель Пешё выделяет три составляющие

дискурсивной формации: "материальный базис", или институты, "внутренний порядок", или интрадискурс, и интердискурс — отношения с другими типами высказываний и дискурсивными формациями [9, р. 100]. Например, политический дискурс не следует рассматривать только как чистую полемику. Анализ дискурса может учитывать контекст республиканских собраний, в которых политические дебаты приводят к реальным последствиям. Институты, в свою очередь, могут анализироваться с точки зрения их роли в социальной иерархии коммуникаций, способности присваивать специфические единицы и устойчивые идеологические значения в качестве средств достижения результатов в особых социально-политических или идеологических взаимодействиях [9, р

. 145]. Различение интра- и интердискурса в значительной мере является аналитическим, а не субстантивным: оба аспекта тесно переплетаются в языковых компонентах дискурсивной формации. Однако если интрадискурс — это относительно "мирное сосуществование" знаков, то "между дискурсивными системами существуют... отношения, построенные на силе" [11, с. 537]: именно в интердискурсе представлена гетерологичность знания. Выделение в интердискурсивном аспекте академического дискурса пресуппозиции (preconstruit

) и идеологически маркированных элементов (например, специфической идеологически окрашенной лексики) связано с определением автономии научной деятельности. Зафиксировав "внешние" элементы, можно проследить, где и как происходит определение и переопределение границ научного исследования.

Топики научной дисциплины

Основная смысловая единица научного дискурса — утверждаемая или опровергаемая пропозиция, или *научное высказывание о чем-то*. Чтобы пропозиция имела смысл, ей необходим особый контекст, позволяющий проверить то, что она утверждает (или опровергает). Контекст включает несколько компонентов. На макросемантическом уровне это, во-первых, теоретические модели, определяющие отношения высказывания к другим пропозициям и, тем самым, разграничивающие их "сферы действия", и, во-вторых, средства выражения этих моделей, позволяющие их использовать с тем или иным эффектом.

Предполагается, что в основе теоретических моделей лежат базовые когнитивные операции, которые с помощью конечного набора макроправил позволяют сводить большие последовательности семантических структур "к некоторым иерархически организованным макропропозициям", или топикам дисциплины [12, с. 48; 13]. Складывающиеся из этих операций макроструктуры обеспечивают дальнейшее понимание дискурса, событий или действий, и таким образом выполняется

"исключительно сложная задача по упорядочиванию огромного количества семантических данных" [12, с. 48]. Т. ван Дейк подчеркивает, что для любого дискурса (как системы коммуникативных действий) важную роль играет "управление" топиками (семантическими макроструктурами) и их сменой. Например, редакторы решают, какие новые топики будут фигурировать в дальнейших выпусках, а преподаватели определяют, какие темы будут затронуты на занятии, и т. п. [14]. Дисциплинарные топики поддерживаются посредством ораторики: они выстраиваются в споре, в столкновении противоречий. В аргументативной семантике Дюкро предлагает подводить под определенные топики даже отдельные высказывания из обыденной речи, диалогов на улице, чтобы реконструировать их аргументативный подтекст [15].

Топики, представленные в тексте социологии интернета, соотносятся с конечным числом различий. Интрадискурсивными для социологии интернета можно считать схемы "научной рациональности" и критики этой "рациональности". Именно "просвещенческие" и "контрпросвещенческие" схемы задают такие различия, как "свободный" и "контролируемый", "частный" и "публичный", "письменный" и "устный", "обман" и "доверие". Преобладание той или иной проблематики формирует тематическую структуру научной дисциплины. Порядок "внутренних различий" дисциплинарного дискурса социологии интернета содержит ряд оппозиций.

Виртуальное vs реальное. "Виртуальная реальность" — это одно из технологических оснований интернета, поэтому данное разделение рассматривается как вполне естественное. За описанием интернета как множества "виртуальных миров" неизбежно стоит независимое от "традиционных" дискурсов представление о "виртуальном"

1

. Социология традиционно настаивает на выделении "социального" в качестве своего предмета, поэтому для нее важно различие "социального" и "несоциального". Делая опосредованные компьютером коммуникации предметом социологического исследования, мы вынуждены признавать их "социальность". При этом оказывается, что их "социальность" отличается от привычной, "реальной": в ней действуют специфические, не принятые в "реальном" обществе механизмы; виртуальные коммуникации происходят в специфической среде, и ее особенности накладывают отпечаток на их протекание [16; 17]. Императив особой виртуальной среды выводится из утопических идеалов адептов "виртуальных сообществ", которые проектируют и строят их как альтернативу существующему обществу, которая должна привести к "парадигмальному сдвигу" [18,

р

. 468] как проект "освобождения", "преодоления" ограниченности физического и социального пространства. Интернет представляется автономным образованием, коренным образом отличающимся от традиционных сообществ, особенно в свете утверждений о том, что "новые технологии будут продолжать изменять наши традиционные представления

о пространстве и времени" [19]. Киберпространство онтологизируется как пространство *sui generis*

generis

, отделенное от реального мира. При таком понимании любую деятельность, связанную с виртуальными коммуникациями, можно трактовать как уход, или бегство, от реальности, что делает возможной аналогию с любым вариантом эскапистского поведения: в таком дискурсе можно проблематизировать, например, интернет-аддикцию.

"Виртуальное" может соотноситься с "реальным" и исследоваться как: (1) значимое, важное для "реального"; (2) влияющее на "реальное"; (3) схожее с реальным, т. е. управляемое теми же законами, обладающее подобными характеристиками. Многие, в том числе академические работы об интернете, начинаются с более чем оптимистических утверждений о значимости информационных технологий в современном обществе: "современный интернет — выдающееся достижение технической мысли" [20, с. 4]. Такое оправдание интереса характерно больше для публицистического, нежели научного текста. Правда, к этому типу предикации тяготеют и "новые" направления научного знания, которым не хватает автономного, самореферентного оправдания. В этом случае апеллируют не к истории "разворачивания дискурса" — высказываниям предшественников и оппонентов, — а к самому изучаемому предмету.

Обоснование значимости изучения интернета его влиянием на общество, на "традиционные формы социальности" не мешает включать в дискурс сложные "научные" модели из "развитых", устоявшихся теорий общества. Социологический дискурс может конституироваться и как автономно-научный, и как апеллирующий к "внешнему".

Например, исследователи указывают на сильное влияние виртуальной среды на способы коммуникации; рассматривают опосредованную компьютером коммуникацию в терминах более общих теорий действия и утверждают, что "компьютеры и информационные системы находят применение во все новых областях человеческой практики, оказывая воздействие

на психические процессы и трансформируя не только отдельные действия, но и человеческую деятельность в целом" [21, с. 11], и что "применение компьютерных сетей ведет

к структурным и функциональным

изменениям

психической деятельности человека" [22, с. 55].

Исследователи, которые пытаются "измерить" влияние информационных технологий на интегрированность общества и построить индексы "общности" и "балканизации" знания,

ссылаются на социологические теории обмена, абстрактные сетевые модели и мало беспокоятся о "внешнем" оправдании предмета своего исследования [23, р. 2-31]. Самыми "сильными", по-видимому, будут высказывания о "реальности" или сходстве с "реальностью" виртуальных коммуникаций [24; 25], поддерживаемых риторическими стратегиями, интегрирующими социологию интернета в дискурсивный контекст социальных наук. Здесь требуется привлечение наиболее сложных методических схем, переопределение базовых социологических понятий, например, "сообщества" [26]. Хотя развитие виртуальных сообществ начиналось под знаком "разрушения социальных границ и освобождения индивидов от социальных влияний и группового давления, обесценивания статусной и властной дифференциации" [27, р. 689], появление этой "социальной формы" породило новые основания для дифференциации. Балканизация и первоначально неорганизованная фрагментация сети в дальнейшем могут привести к четкой и упорядоченной дифференциации [23].

Один из основных барьеров становления осмысленной дифференциации в интернете — язык. Пользователи, не владеющие английским языком, исключаются из большинства видов глобальной сетевой активности. Утверждения о том, что графическая природа виртуальной реальности и машинный онлайн-перевод в реальном времени позволит преодолеть языковые барьеры, отражают наивную веру во всемогущество технологий. Язык разделяет людей, и разделение выгодно носителям доминирующих языков². Если интернет — это альтернативная реальность, то следует критически рассмотреть, кто создает эту реальность. Это касается не только доступа к информации в киберпространстве, но и возможности вводить и изменять данные и тем самым строить образы виртуального мира.

Классовые различия также могут оказаться не менее эффективным дифференцирующим признаком в сетевом пространстве, чем в "реальном" мире. Несмотря на заявления о равенстве в киберпространстве, доступ и необходимые навыки — все еще результат привилегированной классовой позиции: депривированных исключает не рука "злого тирана", а рынок. Кроме того, изучаются возрастная дифференциация и неравное положение инвалидов в интернете [28; 29]. Ожидания относительно ускоряющегося распространения информации и параллельной гомогенизации общества благодаря информационным технологиям основывались на предположении о том, что структура и культура общества останутся неизменными [26]. Даже абсолютная доступность информационных технологий не приведет к равенству между людьми. В теме стратификации используются разные варианты предикации, но основное внимание уделяется поиску стратификационных оснований в интернете, которые все более приближаются к реальным. Исследователи виртуальной стратификации, как и их коллеги, занятые структурой "реального" общества, часто исходят из критической традиции.

Письменное vs. устное. Различение "письменного" и "устного" тесно связано с различением "реального" и "виртуального", поскольку формы (и жанры) виртуальных коммуникаций определяются по аналогии с "письменными" и "устными" формами традиционной (социальной) коммуникации. Интернет описывается как отличное от "реального" пространство, в котором трансформируются принципы производства текстов / высказываний. Опираясь на это различие, исследователи обычно исходят из риторической стратегии дифференцирования. Возможен выбор между "эмпирическими" микросоциальными моделями коммуникации, специально разрабатываемыми для изучения виртуальных сообществ

з

, и макроисторическими нарративными схемами, описывающими формы организации коммуникативного действия в интернете как "историческую формацию" вроде "способа производства текстов".

Исследователи выделяют две важнейшие характеристики "виртуальной среды": (1) сенсорную редуцированность (особенно в текстовых "средах") и (2) нелинейность, гибкую организацию, "гипертекстовость" сети. Сенсорная редуцированность описывается топиком "псевдоустной коммуникации". Виртуальные сообщества организуются вокруг онлайн-овых "публичных форумов", "агоров", таких как "комнаты" чатов или системы телеконференций. Г. Рейнгольд утверждает [30], что виртуальные виды деятельности изоморфны "реальным". Единственное существенное различие в том, что взаимодействие происходит через письменный, то есть отображенный на экране текст. Нелинейность представлена более абстрактным топиком. Авторы реже ссылаются на эмпирические данные и основывают свои нарративные, макроисторические рассуждения на готовых социально-философских концепциях: "печатание несомненно способствовало замене средневековой организации знания... Компьютерные технологии (текстовые редакторы, базы данных, электронные доски объявлений и электронная почта) начинают вытеснять печатные книги" [32, р. 2]. Гипертекст — основная форма "организации" виртуального пространства — описывается как децентрирование, подобие "ризомы" Делеза [33,

р

. 36–38], "революции" [34,

р

. 6], как нечто, дающее неограниченную власть манипулировать символами, текстами и образами. Визуальные образы и звуки компьютерных приложений становятся элементами топик, так как пишущие интегрируют их в общую структуру дискурса и могут соотнести образы разных топиков [35,

р

. 113].

Свобода vs. контроль — третья важная оппозиция. Коммуникации, опосредованной компьютером, иногда приписывают власть разрушать социальные границы,

освобождать индивидов от социальных влияний, группового давления, статусных и властных различий, которые непосредственно проявляются в общении "лицом-к-лицу" [24, р. 689]. Виртуальное сообщество описывается как пространство *свободы*, где контрактные отношения гарантируют равные возможности всем участникам взаимодействия. Такое понимание вполне объяснимо, поскольку исторически развитие интернета связано с развитием контркультуры, утопических и либеральных идеалов. Однако сами социальные и технологические условия возникновения виртуального сообщества определяют неравенство возможностей некоторых пользователей. В виртуальном сообществе сочетание развитых технических навыков работы на компьютере с высокой языковой / коммуникативной компетентностью (как предпосылка для создания и поддержания самого виртуального сообщества) встречаются у пользователей с высоким статусом и престижем. Провал "проекта реализации полной свободы" в "киберпространстве" был очевиден уже давно. В середине 1970-х гг. Розан Стоун писала: "Настала эпоха надзора и социального контроля в электронных виртуальных сообществах". В начале периода, названного одним из участников сообщества "кануном свободного выражения", появились технические средства, позволяющие системным администраторам отслеживать и подвергать цензуре "неприемлемые" послания [36, р . 107]. Если виртуальное сообщество проектируется как публичное пространство "свободного обсуждения", то может ли оно обойтись без институционального "обеспечения" этой свободы? Системный администратор в конференции Usenet и "маг" в MUD оказываются необходимыми для поддержания "свободы".

"Понимание" как необходимый элемента коммуникации основано на обеспечении более или менее "универсальных оснований дискурса". Для этого требуются ограничения в выборе топики, способов построения высказываний, что естественным образом ведет к формированию дополнительных форм контроля за высказываниями в "свободном обсуждении". Предположение о большей индивидуальной свободе и относительной анонимности в сети приводит к формулированию гипотез в терминах социально-психологической модели "эффектов деиндивидуализации социальной идентичности", что приводит к росту антинормативного поведения⁴.

Различение "свободы и контроля" позволяет строить как высокотеоретические абстрактные схемы, так и прикладные модели. Различение оказывается значимым и в методологическом плане, поскольку имплицитно тему предсказуемости процессов виртуальных коммуникаций и возможности построения соответствующих аналитических моделей. По-видимому, определение виртуальных коммуникаций в терминах "неуправляемой свободы" исключает возможность разработки строгих,

экспериментальных методик.

Публичное vs. частное. В исследованиях "виртуальных сообществ" часто рассматривается эффективность разных видов сетевой активности. Если в обществе существует противоречие между реализацией частных интересов и обеспечением общих / общественных условий, в которых они могут быть реализованы, то следует находить механизмы уравнивания *публичного и частного*. Отсюда возникает тема формирования институтов, систем действий по обеспечению "нормального" функционирования виртуальных сообществ

5

. Если виртуальные сообщества создавались в пику контрактным рыночным отношениям, то в них должны отсутствовать "нормальные" механизмы, посредством которых подобные проблемы решаются в "современном" обществе. Логичным выглядит обращение к антропологическим данным, в которых отсутствуют "современные" институты и предположение о том, что "хозяйство" виртуальных сообществ основывается на регламентированном "обмене дарами" [17,

р

. 221–226]. Регламентация "обмена дарами" и коммуникативного действия в виртуальном сообществе в целом производится опосредовано, через выделение позиций и ролей по урегулированию конфликтов и поддержанию "нормальной" коммуникации [37,

р

. 139–142]. Интернет рассматривается как пространство новых возможностей для развития не только публичной сферы, но и потребительского поведения [39, с. 146]. Тот факт, что многие "публичные блага", производимые в интернете, представляют собой цифровую информацию, означает их общедоступность и неисчерпаемость: обращение к информационным ресурсам одного пользователя ничуть не снижает ее доступность для других. С одной стороны, это вызывает беспокойство владельцев интеллектуальной собственности, с другой — стимулирует тех, кто заинтересован в создании "публичных благ" [16,

р

. 225]. Каждый день пользователи передают бесплатную информацию через электронную почту, списки рассылки, телеконференции и веб-сайты. Свободное распространение таких программных продуктов как ‘

Apache

’и ‘

Linux

’ делает их более конкурентоспособными по отношению к программам, разрабатываемым на коммерческой основе [38].

Доверие vs. обман, или истинность / ложность сигналов. В общении "лицом-к-лицу" и по телефону доступными оказываются множество коммуникативных кодов, показывающих наши идентичность и намерения. Одежда, голос, осанка, жесты передают информацию

о статусе, власти и групповой принадлежности. В онлайн-общении многие коды оказываются недоступными. Взамен им создаются "виртуальные персонажи", которые и являются "действующими лицами" в процессе коммуникации [40, р. 29–30]. Вследствие технологической ограниченности мы имеем дело с редуцированными сигналами, что оставляет место для "игры идентичностями". Какая идентичность создается в онлайн-сообществах — истинная или сконструированная, ложная? Обман дает определенные преимущества участнику игры, однако эти преимущества становятся значимыми, если хотя бы часть членов сообщества подают "честные" сигналы о своей идентичности. Если ложные сигналы подаются всеми участниками онлайн-общения, то они не несут реальной информации

6

В социологических работах, использующих различие доверие / обман, очень распространена метафора театра, которая позволяет переформулировать проблему истины и лжи в терминах саморепрезентации и "игры идентичностями". "Саморепрезентация, таким образом, — наиболее значимый элемент для инициации опосредованного компьютером общения с другими людьми и для управления им" [41, с. 40]. По существу, конструируется новый объект исследования, в котором отсутствуют топики, привычные для исследований "реальности".

Интердискурсивный аспект в социологии интернета

Основной корпус публикаций об интернете выполнен в популярно-публицистическом жанре. Едва ли не классикой считаются работы о виртуальных сообществах журналиста Г. Рейнгольда [30]. Теоретическим осмыслением современных коммуникационных и информационных технологий занимались философы, социальные критики [20], теоретики литературы, исследующие гипертекстовые структуры [42]. Позднее появились академические работы Б. Вэлмана, в которых рассматривается сетевая организация "онлайн-коммуникаций". Большая работа выполнена П. Коллоком, исследовавшим проблему конфликта частных интересов в киберпространстве и возможности создания "общественных благ". Т. Постмес, Р. Спирс и М. Ли проводили социально-психологические исследования онлайн-поведения. Р. Хэмман создал академический электронный журнал по социологии интернета⁷.

Многие исследователи интернета критикуют современное общество. Например, М. Кастельс в фундаментальной трилогии об "информационной эпохе" [43] трактует информационные технологии как инструмент "освобождения" маргинальных сообществ

(особенно ярко это проявляется во втором томе о "власти идентичности"). С некоторыми оговорками можно утверждать, что в дискурсе социологии интернета преобладают идеологические схемы критики Просвещения и современности, эксплицирующие "скрытые" дискурсивные / идеологические структуры. Конструирование автономного дискурса, установление собственной терминологии и набора верований происходит за счет инкорпорирования и адаптации других дискурсов. М. Фуко термином "колонизация" обозначает установление гегемонии определенного видения мира. Именно этот процесс, правда, в локальном масштабе происходит с дискурсом социологического исследования интернета. Телекоммуникация опирается на компьютерные технологии, а социология интернета — на нетехнологический дискурс, колонизирующий образы и термины теории дизайна, искусства, коммуникации и даже философии. Исследователи заимствуют и деконструируют традиционные тропы — образы и риторические элементы, принятые в устоявшихся дискурсах.

На этапе становления дискурса интернета доминирует технологизированный язык, формирующийся под влиянием субкультуры киберпанка и профессиональных программистов. Возникновение интернета описывается как результат взаимодействия растущей "высокотехнологической промышленности" Силиконовой долины с социально-политическими идеями калифорнийской контркультуры. Построение новой компьютерной реальности оказывается новой формой технологической утопии. Опыт виртуальных коммуникаций сравнивается со зрительными образами, возникающими в измененном состоянии сознания [44, р. 71], и появляется тревога по поводу интернет-аддикции, особенно характерная для популярного и социально-психологического текстов.

На формирование социологического дискурса об интернете оказывают влияние и "государственные идеологии". Одну из наиболее распространенных метафор в описании виртуальных коммуникаций — "информационная суперавтострада" — ввел в оборот Альберт Гор. Эта метафора конкурирует с многими другими неологизмами, подчеркивающими различные аспекты сетевых технологий ("киберпространство", "сеть", "онлайн" и "паутина"), и с макросоциологическими образами прошлых десятилетий: "глобальная деревня" М. Маклюэна (1964), "эра информации" Т. Хелви (1972), "информационная революция" Д. Ламбертона (1974), "сетевая нация" С. Хилтца и М. Туроффа (1978), "информационное общество" Дж. Мартина и Д. Батлера (1981) [45]. Важный элемент дискурса — ссылки на художественную литературу, особенно в топиках, связанных с различием письменное / устное. Цитируются современные литературные экспериментаторы (А. Роб-Грийе, М. Сапорт, М. Павич и Х. Кортасар); литературоведы, переключившие внимание с автора на читателя (Р. Барт, В. Изер и У. Эко); модернисты Дж. Джойс, В. Вульф и У. Фолкнер; нарративная эксцентрика Ф. Рабле, М. Сервантеса и Л. Штерна. Но ни одна метафора не превосходит по своей значимости появившийся в конце 1940-х гг. в сборнике рассказов Х.Л. Борхеса образ "сада расходящихся тропок" [46, р. 119]. Сильнейшее влияния на социологический

дискурс об интернете оказал М. Маклюэн своим расширенным определением медиа и утопией "глобальной деревни", которая была едва ли не важнейшей вдохновляющей идеей в развитии компьютерных технологий [47; 48].

В социологии интернета *явно* конституируются "тесные отношения" с дискурсами политики, контркультуры, художественной литературы. В становящемся дисциплинарном корпусе литературы выделяются следующие "идеологически" маркеры: (1) ссылки на "эксплицитно идеологические" социально-философские, политические и художественные работы; (2) терминология критической теории ("эмансипация", "реификация", "киберкапитализм"), постмодернизма ("симулякры", "ризоматичность") и т. п.; (3) идеологическая ангажированность в проблематизации одного из полюсов "базовых различий". Одни авторы думают о том, как расширить возможности активного участия пользователей сети, другие, напротив, — о том, как навести больше порядка (оппозиция "свободы — контроля"); в оппозиции "частного — публичного" исследователи электронной коммерции ищут новые возможности для продвижения частных интересов, а внимание исследователей некоммерческих организаций в сети больше привлекают условия предоставления "общих благ" и удовлетворения "общих интересов".

Для формирования систематической модели артикуляции интердискурсивных элементов в социологическом исследовании интернета требуется выстроить "карту", показывающую соотношения между "маркерами" и определенными "идеологическими схемами". Тогда все эмпирически находимые ссылки можно будет разделить на "идеологически нейтральные" (например, на экспериментальные работы) и "идеологически окрашенные" (например, на пропросвещенческие и контрпросвещенческие).

Заключение

Формирование социологического дискурса о виртуальных коммуникациях предполагает признание некоторого корпуса терминов и достижение консенсуса об основных проблемах исследований. Дискурс становящейся дисциплины не может довольствоваться технической терминологией, ему требуется обращение к инструментам других дисциплин, исследующих интернет: теории литературы, политической теории, антропологии, исследований культуры, постструктурализма, истории и историографии, — а также к наиболее общим "идеологическим" представлениям об объекте, выходящим за узкодисциплинарные рамки. Социологический научный дискурс "колонирует" язык социальных утопий и

"идеологических проектов" (в частности, остатков "Проекта Просвещения"), преобразует их метафорические структуры и способы формирования буквальных и образных значений.

¹В то же время социология интернета не может быть совершенно независима от социологического и, в целом, научного дискурса, что придает неоднозначность оппозиции "реального" и "виртуального".

²Данное явление обычно описывается как "культурный империализм" в интернете. Даже в международных академических сетях отмечается доминирование пользователей из США [27].

³В исследованиях многопользовательских сред (MUD), которые зачастую опираются на концепцию социальной обработки информации (

Social
Information
Processing
Perspective

), описываются особенности вербального представления внеязыковых элементов коммуникации. Развитие экспрессивных возможностей опирается на "паралингвистическую вербализацию", эффективность которой определяется установкой на социабельность (дружелюбие) или скептицизмом по отношению к компьютерной коммуникации. Дружеское общение с помощью паралингвистических знаков, включаемых в тексты онлайн-обменов, успешнее развивается участниками, имеющими низкие показатели по шкале скептицизма [31].

⁴Проведя вторичный анализ результатов исследований, Т. Постмес, Р. Спирс и М. Ли не обнаружили значимой связи между антинормативным поведением и деиндивидуализирующим влиянием относительной анонимности и отсутствия карательных институтов в компьютерной коммуникации. Однако переменная "ситуативной нормы" получила значительную объяснительную и предсказательную силу для повышенного уровня антинормативного поведения в сети по сравнению с "реальным" обществом [27, р. 697–698]. Поведение, нарушающее "универсальные" нормы, оказывается нормативным в специфической ситуации, и, следовательно, не является "свободным", случайным, не порождается только "частными интересами".

⁵Здесь же можно обнаружить истоки таких тем, как "свобода слова", "свобода дискуссий", "свободная" публичная сфера в "киберпространстве". Они обслуживаются понятиями "киберполитика", "сетевые идеологии", "онлайновый активизм" и "электронная демократия".

⁶Механизм поддержания баланса между "честными" и "ложными" сигналами раскрывается в работе Дж. Донат [40].

⁷Имеется в виду электронный журнал по социологии виртуальных коммуникаций "Cybersociology Magazine" (<http://www.cybersociology.com>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mulkey M. Sociology of science: A sociological pilgrimage. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
2. Гилберт Д.Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых / Пер. с англ. М. Бланко; Вступ ст. В.П. Скулачева; Общ. ред. и послесл. А.Н. Шамина, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1987.
3. Potter J. Representing reality: Discourse, rhetoric, and social construction. London: Sage Publications, 1997.

4. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
5. Bloor D. Knowledge and social imagery. Henley: Routledge; Boston: Kegan Paul, 1976.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Изд-во "Гнозис", 1994. С. 75–319.
7. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
8. Серль Д. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып . 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
9. Goodrich P. Legal discourse: Studies in linguistics, rhetoric, and legal analysis. London: Macmillan, 1987.
10. Пеше М., Фукс К. Итоги и перспективы: по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.
11. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. С. 535–540.
12. Дейк Т.А. ван Макростратегии // Дейк Т.А. ван Язык, познание, коммуникация / Пер. под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. С.

41–67.

13. Dijk T.A. van Introduction: The role of discourse analysis in society // Handbook of discourse analysis. Vol. 4. Discourse analysis in society / Ed. by T.A. Van Dijk. London: Academic Press, 1985. P. 1-8.

14. Dijk T.A. van Opinions and ideologies in editorials [online]. Date of access: June 25 2001. Available at URL: < <http://www.hum.eva.nl:80/~teun/editoria/htm> >.

15. Ducrot O. Slovenian lectures: Argumentative semantics / Ed. by Z. Zagar. Ljubljana: ISH, 1996.

16. Kollock P., Smith M.A. Communities in cyberspace: Introduction // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 3-25.

17. Kollock P. The Economies of on-line cooperation: Gifts and public goods in cyberspace // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. London; New York: Routledge, 1999. P. 220-239.

18. Kang N., Choi J.H. Structural implications of the crossposting Nntwork of International News in cyberspace // Communication Research. Vol. 26. No. 4. August 1999. P. 454-481.

19. Nguyen D.T., Alexander J. The Coming of cyberspacetime and the end of the polity // Cultures of Internet: Virtual spaces, real histories, living bodies / Ed. by R. Shields. London: Sage, 1996. P. 99-124.

20. Войскунский А.Е. Гуманитарный Интернет // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 3–10.

21. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39.

22. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 55–76.

23. Alstynе M. van, Brynjolfsson E. Electronic communities: Global Village or cyberbalkans? [Online.] Date of access: June 25, 2001. Available at URL: <
<http://web.mit.edu/marshall/www/papers/CyberBalkans.pdf> >.

24. Wellman B., Hampton K. Living networked on and offline // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. Vol. 28. No. 6. November 1999. P. 648-654.

25. Wellman B., Gulia M. Virtual communities as communities: Net-Surfers don't ride alone // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. London; New York: Routledge, 1999. P. 167-194.

26. Hamman R. Introduction to virtual communities research and cybersociology // Cybersociology Magazine. Issue 2 [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: <
<http://www.cybersoc.com/magazine/s2intro.html>>.

27. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaking or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication // Communication Research. Vol. 25. No. 6. December 1998. P. 689-715.

28. Thomas R. Access and inequality // Information technology and society: A reader / Ed. by N. Heap, et al. London: Sage; Open University Press, 1995. P. 90-99.

29. Wright K. Computer-mediated social support, older adults, and coping // Journal of Communication. Vol. 50. No. 3. Summer, 2000. P. 100-118.

30. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Co., 1993.

31. Utz S. Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // Journal of Online Behavior. Vol. 1. No. 1. 2000 [online]. Date of access: April 10, 2001. Available at URL: < <http://www.behavior.net/JOB/v1n1/utz.html>>.

32. Bolter J.D. Writing space: The computer, hypertext, and the history of writing. Hillsdale, N.J.: Erlbaum Associates 1991.

33. Landow G.P. Hypertext 2.0: The convergence of contemporary critical theory and technology. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1997.

34. Landow G.P., Delany P. Hypertext, hypermedia and literary studies: The state of the art // Hypermedia and literary studies / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 3-50.

35. Bolter J.D. Topographic writing: Hypertext and the electronic writing space // Hypermedia and literary studies / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 105-118.

36. Reid E. Hierarchy and power: Social control in cyberspace // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 107-133.

37. Smith A. D. Problems of conflict management in virtual communities // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 134-163.

38. Barbrook R. The high-tech gift economy // Cybersociology Magazine. Issue 5 [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://www.cybersoc.com/magazine/5barbrook.html>>.

39. Войскунский А.Е., Бабанин Л.Н., Арестова О.Н. Социальная и демографическая динамика сообщества русскоязычных пользователей компьютерных сетей // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 141–191.

40. Donath J.S. Identity and deception in the virtual community // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 29-59.

41. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование "Я" в опосредованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск–Терра, 2000. С. 40–54.

42. Greco D. Hypertext with consequences: Recovering a politics of hypertext [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://landow.stg.brown.edu/cpace/ht/greco7.htm>>.

43. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Blackwell Publishers, 1996.

44. Hillis K. A geography of the eye: The technologies of virtual reality // Cultures of Internet: Virtual spaces, real histories, living bodies / Ed. by R. Shields. London: Sage, 1996. P. 70-98.

45. Beniger J.R. The control revolution: Technological and economic origins of the information society. London: Harvard University Press, 1986.

46. Moulthrop S. Reading from the map: Metonymy and metaphor in the fiction of "Forking

Добавил(а) Социология
06.09.10 09:15 -

Paths" // Hypermedia and literary studies / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 119-132.

47. McLuhan M. The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. Toronto: University of Toronto Press, 1965.

48. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. Cambridge: The MIT Press, 1994.